

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2020, №4, Том 12 / 2020, No 4, Vol 12 <https://esj.today/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Багдасарян К.М. Критический анализ работ зарубежных исследователей, посвященных Евразийскому экономическому союзу // Вестник Евразийской науки, 2020 №4, <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bagdasaryan K.M. (2020). Formation of the Eurasian economic union in the perspective of foreign studies. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 4(12). Available at: <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf> (in Russian)

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

УДК 339.9

ГРНТИ 06.51.77

Багдасарян Княз Мнацаканович

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия
Научный сотрудник

E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

SSRN: <https://ssrn.com/author=2627518>

RePEc: <https://authors.repec.org/pro/pba1467/>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=810838

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAH-9531-2019>

Mendeley: <https://www.mendeley.com/profiles/kniaz-bagdasaryan/>

Publons: <https://publons.com/researcher/2951037/kniaz-bagdasaryan/>

ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Kniaz_Bagdasaryan

Google Академия: <https://scholar.google.nl/citations?hl=en&user=52RomxoAAAAJ>

**Критический анализ работ
зарубежных исследователей, посвященных
Евразийскому экономическому союзу**

Аннотация. В статье проводится обзор публикаций зарубежных исследователей, посвященных анализу формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), его идеологической составляющей, а также перспектив дальнейшего развития. Автором представлены только некоторые, наиболее интересные работы исследователей из таких стран, как Бельгия, Великобритания, Испания и Турция. Несмотря на то, что в них осуществляются попытки широкого охвата взглядов исследователей интеграционных процессов из постсоветского пространства для формирования некоторой эмпирической опоры, тем не менее их выводы отражают совокупные усреднённые взгляды отдельных западных научных школ и стран, в основном, в контексте геополитического противостояния. В результате анализа автором выявлено, что теоретические подходы зарубежных исследователей к оценке формирования ЕАЭС в основном направлены на критику внешней политики России, имеют геополитический характер, а представленные ими выводы всегда указывают на незначительные экономические показатели и превалирующую над ними политико-идеологическую мотивацию. Эту негативную повестку по отношению к ЕАЭС в основном создают восточноевропейские страны, которые опираются на исторический опыт экономической зависимости от

коммунистической советской эпохи, несмотря на то, что они имели непосредственное отношение к этой эпохе и состояли в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ).

На основе обзора большого количества зарубежных публикаций автором также выявлено, что проблематика ЕАЭС не находится в центре внимания зарубежных исследователей интеграционных процессов. Основное предпочтение они отдают анализу более продвинутых региональных группировок, которые имеют своего рода исторический контраст с ощутимыми результатами и видимыми эффектами.

Ключевые слова: идеология Евразийского экономического союза; гегемония России; евразийская интеграция; геополитический союз; гибридная интеграция; нео-грамшизм; концепция «жизненного пространства»

Несмотря на то, что с момента вступления в силу договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) прошло пять лет, в зарубежной научной литературе освещение его функционирования в основном осуществляется в политическом ключе в контексте геополитического противостояния. Среди отечественных исследователей из государств-членов Союза также есть немало критиков политической природы формирования и функционирования ЕАЭС. В основном, их можно отнести к сторонникам позитивистского европейского направления методологии науки, которые отрицают познавательную ценность философского исследования и базируются исключительно на эмпирических данных. Хотя их аргументы иногда противоречат даже основам позитивизма.

Одним из наиболее видных отечественных критиков ЕАЭС является Директор Центра исследований постиндустриального общества, (В. Иноземцев, 2019) по мнению которого интеграционные процессы на постсоветском пространстве являются политическими играми России, [1] экономика которой стремительно идёт ко дну, а ЕАЭС является союзом утопающих, осуществляющим торговлю иллюзиями [2].

Реальные экономические показатели деятельности ЕАЭС в динамике за пять лет представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика экономических показателей ЕАЭС за период 2015–2019 гг. (млрд долл. США)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	
ВВП	1615	1483	1816	1910	1892	↑
ВВП по ППС	4184	4200	4492	4805	5003	↑
Экспорт товаров	374,1	308,3	386,9	490,6	459,3	↑
Импорт товаров	205,4	201,1	247,3	262,8	273,8	↑
Экспорт услуг	55,8	55,0	64,0	72,2	83,7	↑
Импорт услуг	98,2	83,8	97,0	104,6	-	↑
Торговые соглашения с третьими странами (кол-во подписанных)	0	1	0	2	2	↑
Доля внутренней торговли (в % от общей торговли)	13,5 %	14,4 %	14,6 %	13,7 %	14,2 %	↑

Составлено автором по данным Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ) и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)

Необходимо отметить, что проблематика ЕАЭС не находится в центре внимания зарубежных исследователей интеграционных процессов. Основное предпочтение они отдают анализу более продвинутых региональных группировок, которые имеют своего рода исторический контраст с ощутимыми результатами и видимыми эффектами.

По мнению бельгийского исследователя, (Vicari M.S., 2016) создание ЕАЭС является частью реализации Концепции внешней политики Российской Федерации, а именно пункта “IV. Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации” [3]. Принципы формирования институциональной и законодательной базы, а также модель ЕАЭС были заимствованы из практики ЕС. Таким образом, модель ЕАЭС является «институциональным изоморфизмом». Однако развитие интеграции значительно отличается от европейской и демонстрирует существенные институциональные провалы. Если рассматривать СНГ как самый ранний этап формирования новой региональной экономической интеграции после распада СССР, основанного на принципах рыночной экономики, то его функционирование также оказалось провальным и происходило не в рамках общих правил, а в основном базировалось на перекрестных двусторонних соглашениях между Россией и другими государствами СНГ, что присуще для радиальной модели интеграции, а не линейной.

По мнению турецких исследователей, интеграционный успех ЕАЭС в долгосрочной перспективе возможен при условии исключительно экономического взаимодействия. Профессор Сердар Йилмаз (Yilmaz S., 2017) из факультета политологии и международных отношений Университета Мугла утверждает, что для этого требуется наличие приближенной структуры экономик всех государств-членов, доступная и развитая транспортная, а также энергетическая инфраструктура [4]. По его мнению государства, присоединившиеся к «россиецентричному» интеграционному объединению ЕАЭС, относятся к категории развивающихся стран, и для них крайне важно создание благоприятного инвестиционного климата, поскольку успех интеграции будет в том числе зависеть от наличия равных условий для инвесторов во всех государствах-членах. Автор также считает, что в действительности существует два Евразийских союза: первый союз – это ЕАЭС, который является реально действующим, а второй – воображаемый геополитический Евразийский союз. Геополитические амбиции данного объединения направлены на реинтеграцию постсоветских стран и воссоздание СССР как нового мирового влиятельного блока, как балансирующего фактора против евро-атлантического блока и однополярного миропорядка. При этом большой проблемой ЕАЭС, с которой сталкиваются его государства-члены, является весьма низкая вовлеченность в глобальную экономику.

Испанские исследователи из Университета Малага (Podadera P. and Garashchuk A., 2016) утверждают, что все попытки России создать интеграцию постсоветских стран на протяжении двух десятков лет оказывались безуспешными и существовали лишь на бумаге. [5] Авторы выражают опасения, что в случае успеха интеграции ЕАЭС может быть трансформирован в мощный военно-политический альянс, поскольку все его члены имеют авторитарные режимы, а Россия использует регионализм как инструмент поддержки близких ей по духу режимов. Аналогичного мнения придерживается ряд других исследователей (Roy Allison, 2008 [6]; Kathleen Collins, 2009 [7]), утверждая, что основной целью постсоветского регионализма является не укрепление экономического сотрудничества между государствами, а установление «взаимной защиты» для авторитарных режимов или «изоляция» некоторых стран от внешнего демократического влияния.

Вышеуказанные авторы (Podadera P. and Garashchuk A., 2016) также утверждают, что формирование ЕАЭС соответствовало европейской модели интеграции, но в итоге приобрело некоторые особенности азиатской модели, которая является более мягкой и менее глубокой по сравнению с ЕС. Кроме того, Союз состоит из государств, которые ранее были частью одной страны, большинство населения которых, по мнению авторов, не утратило советской идентичности, что, в свою очередь, может способствовать созданию общей идентичности т. н. «common demos», что отличает ЕАЭС от других моделей интеграции.

Вместе с тем, в критике неэффективности углубления интеграции в ЕАЭС упоминается отсутствие постоянно действующего наднационального парламента (Евразийский парламент), по аналогии с европейским парламентом. Его отсутствие связывают с отсутствием прямой представительности интересов граждан Союза.

Стоит отметить, что парламент, по сути, является политическим институтом, который выполняет непосредственно законодательную функцию. И если большинство европейских исследователей критикуют ЕАЭС как политическое образование, то критика, мотивированная отсутствием наднационального парламента, в данном случае противоречит общему тренду.

Бельгийский исследователь (Fabienne Bossuyt, 2017) из департамента политических наук Гентского университета Фландрии, в своей работе, посвященной восприятию ЕАЭС центрально- и восточноевропейскими странами, утверждает, что среди европейских государств существует политический раскол в восприятии интеграции ЕАЭС [8]. В частности, Польша, Румыния и три балтийские страны воспринимают ЕАЭС резко негативно и считают интеграцию поводом для восстановления гегемонии России. Это связано с тем, что национальная и внешняя политики указанных стран находятся под сильным влиянием опыта экономической зависимости от коммунистической советской эпохи. Таким образом, исторически негативное восприятие России они проецируют на ЕАЭС.

Другая группа, состоящая из таких государств, как Словакия, Чехия, Венгрия и Болгария, видит в интеграции экономические перспективы и заинтересованы в сотрудничестве с ЕАЭС. Однако Словакия и Чехия в настоящее время придерживаются выжидательной позиции (англ. «to wait and see»). Несмотря на то, что все восточноевропейские страны имели непосредственное отношение к коммунистической советской эпохе и состояли в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), автор связывает такое дивергентное восприятие ЕАЭС энергетической зависимостью (газ, нефть, атомная энергетика) от России и желанием углубления торгово-энергетического сотрудничества.

По мнению автора, экономическое сотрудничество ЕС с ЕАЭС, в целом, будет зависеть от того, насколько восточноевропейские страны, которые ранее были частью коммунистического блока, будут активно продвигать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую позиции на уровень Европейской комиссии. Эти страны, по сути, отделяют «Старую Европу» от России и постсоветского пространства не только географически, но и политически и экономически (см. рис. 1).

Рисунок 1. Восточноевропейские страны отделяющие ЕС от ЕАЭС (составлено автором)

Профессор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Bruno S. Sergi, 2018) описывает ЕАЭС как «гибрид полуюкономики и полуполитик» и сравнивает с образом «Двуликого Януса». ¹ По мнению автора, если ЕАЭС удастся достичь экономических и политических успехов, то он составит геополитическую конкуренцию Европейскому союзу (ЕС) на Востоке и привлечёт к себе те европейские страны с «незападными историческими и культурными корнями», которые ищут альтернативу ЕС для поддержания развития, с сохранением независимости и политической автономии [9]. В работе также отмечается, что, несмотря на наличие избыточных запасов сырья (минеральных и энергетических ресурсов, сельского хозяйства и животноводства), экономические перспективы ЕАЭС имеют множество неизвестных переменных, поскольку у государств-членов Союза слабо развитый финансовый сектор и ограниченные технологические возможности.

В упомянутой работе [9] также утверждается, что ЕАЭС не может эффективно функционировать только за счёт одной страны (т. е. России), поэтому вокруг союза создается сеть ЗСТ, которая в т. ч. должна компенсировать нынешний кризис отношений с Западом. Вместе с тем, отдельное внимание уделяется независимой политике выстраивания внешнеэкономических отношений Казахстана с Китаем и ЕС, а Кыргызстану предрекается «KYREXIT», т. е. выход из Союза, не взирая на то, что результаты опроса общественного мнения в Кыргызстане показали, что более половины населения страны считают интеграцию с ЕАЭС правильным путем.

Одним из немногих исследований, представляющих реальный практический интерес, является работа автора британского университета (King's College London), в котором формирование ЕАЭС отождествляется с региональной гегемонией России в положительном историческом ключе, а его дальнейшие перспективы исследуются в контексте теории нео-грамшизма [10]. В понимании нео-грамшизма ² гегемония базируется на четырех основных элементах, а именно: институциональная структура, материальные возможности, неуязвимость в плане безопасности (геополитика) и культурное превосходство (лидерство). По результатам исследования четырех упомянутых элементов, автором (К. Kirkham, 2016) представлены выводы, что для успешного развития ЕАЭС, России не стоит копировать институциональную структуру ЕС, а нужно научиться представлять достижения интеграции как успешные усилия по созданию сильной системы всеобщего благосостояния, особо благоприятствующей ключевым социальным группам, с целью получения общественного согласия и поддержки и принятия на себя культурного лидерства. Европейские интеграционные теории интерговернментализма, неофункционализма и неоинституционализма были разработаны с учетом европейского опыта и, следовательно, не отражают евразийских особенностей, поэтому перенести институциональное содержание не представляется возможным (более детально см. «Критика теории европейской интеграции. Неолиберальная гегемония и трансформация в Европе». Apeldoorn, Overbeek, & Ryner, 2003, p. 29) [11]. В свою очередь, термин «институты»

¹ Двуликий Янус (*англ.* Janus Bifrons) известен из древнеримской мифологии, как «Бог времени», который изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны – к прошлому и будущему. Одно его лицо было лицом молодого, безбородого человека, смотрящего в будущее, другое – лицо бородатого старца, обращенное в прошлое. В его честь назван месяц «январь». Однако автор исследования описывает его, как хранителя ворот и покровителя государств во время войны.

² Основные идеи теории нео-грамшизма (*англ.* Neo-Gramscianism), которая изучает международные отношения и глобальную политэкономия, базируются на трудах итальянского философа и теоретика марксизма – Антонио Грамши (*англ.* Antonio Gramsci). Нео-грамшизм анализирует то, каким образом конкретные социальные силы, государства и доминирующие идейные образования определяют и поддерживают мировой порядок. Нео-грамшизм также называют «критической политэкономией» или «постклассическим марксизмом».

относится не только к организационным формам, но и к преобладающим кодифицированным и некодифицированным нормам поведения и ценностям.

С политологической точки зрения большинство существующих публикаций по евразийской интеграции и внешней политике России содержат четыре основных аналитических недостатка:

1. во-первых, гегемония определяется в рамках ранее упомянутых основополагающих позитивистских традиций, где многогранное понятие гегемонии сводится к политическому, экономическому или военному господству. Вместе с тем, известный представитель либерального направления в науке о международных отношениях, профессор политологии Принстонского университета США (Robert O. Keohane, 1984), в своей работе, посвященной возникающим противоречиям в мировой политэкономии «после гегемонии», утверждает, что гегемония – это не просто смесь материальной власти, идеологии и институтов, а репродуктивная система, в которой надстройка политических и культурных практик предопределяет социально-экономические отношения, где идеи правящего класса становятся бесспорными нормами, продуктом классового проекта [12];
2. во-вторых, анализ основывается на существующих теориях европейской интеграции, которые были разработаны по отношению к европейскому опыту и поэтому не отражают евразийских особенностей;
3. в-третьих, игнорируется роль социальных сил в достижении гегемонии;
4. в-четвертых, не учитывается конкурентная борьба между столицами, ни вертикальные капитало-трудовые отношения, ни горизонтальное межкапитальное соперничество.

При рассмотрении евразийской интеграции сквозь призму геополитики, стоит отметить, что теорию взаимодействия «больших пространств» (т. н. пан-регионов) разработал немецкий ученый Карл Хаусхофер применительно к континентальной Европе, который в том числе рассматривал Россию как основного союзника Германии для создания мощного евразийского (!) объединения [13]. Он определял глобальные блоки, объединенные социально-политической панидеей, как естественный процесс геополитической структуры мира. Ранее в 1897 г. Фридрих Ратцель выдвинул теорию «жизненного пространства», в которой подробно описал, что рост государства сопровождается не только развитием торговли и производства, но также развитием идей, культуры, миссионерством и активностью в различных сферах [14].

Резюмируя вышесказанное, важно отметить, что одним из основных трендов, который прослеживается в работах зарубежных исследователей, посвященных анализу формирования и функционирования действующего в настоящее время экономического объединения ЕАЭС, является то, что авторы в своих работах уделяют весьма ограниченное внимание реальным экономическим вопросам Союза, либо вообще ограничиваются общими обтекаемыми фразами. При этом апеллируя к «евразийскому интеграционному процессу», «Большой Евразии», «евразийскому пространству» и «Большому Евразийскому партнерству» вне контекста, действующего на базе общего рынка интеграционного объединения ЕАЭС осуществляется подмена понятий, поскольку они заимствованы из философской, социологической и политологической сфер исследования. Как было отмечено ранее, это связано с тем, что экономическая проблематика ЕАЭС не находится в центре внимания зарубежных исследователей, вместо этого основное предпочтение отдается критике геополитических интересов России, как на постсоветском пространстве, так и в Союзе. При таком подходе игнорируется интеграционная модель Л. Тиндемманса «ядро-периферия», в которой страна с

масштабной, доминантной экономикой является гегемоном интеграции, благодаря которой с помощью двусторонних торговых соглашений гегемон и страны-спицы экономически связываются друг с другом по принципу колеса. Также игнорируется теория экономической интеграции Б. Баласса, [15] в которой отмечается, что первоначальные мотивы экономической интеграции могут быть вполне политическими, поскольку с экономической точки зрения совершенно не важны первоначальные мотивы интеграции, – важен экономический эффект интеграции. Вероятно, такой подход является проявлением информационной войны с целью создания образа России как страны-агрессора, использующего экономических партнеров в своих политических интересах. Представляется, что подобные обзорные статьи внесут вклад в правильную категоризацию подходов делая акцент на экономических показателях и достигнутых успехах ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В.Л. Союз утопающих: вовремя ли Россия взялась строить ЕАЭС // Российский совет по международным делам. [2015] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/soyuz-utopayushchikh-vovremya-li-rossiya-vzyalas-stroit-eaes/> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Иноземцев В.Л. Торговля иллюзиями: что не так с евразийской интеграцией // Российский совет по международным делам. [2019] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/torgovlya-illyuziyami-cto-ne-tak-s-evraziyskoj-integratsiey-podrobnее-na-rbk-https-www-rbc-ru-opini/> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Vicari M.S. The Eurasian Economic Union – approaching the economic integration in the post-Soviet space by EU-emulated elements. *Revue Interventions économiques* [Online], 55 | 2016. URL: <http://interventionseconomiques.revues.org/2823> (дата обращения: 02.09.2018).
4. Yilmaz S. Eurasian Economic Union: A Regional Economic Hegemony Initiative. *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*. Vol 4, №2 [2017]. URL: <http://dx.doi.org/10.15549/jeecar.v4i2.166> (дата обращения: 02.09.2018).
5. Rivera P.P., Garashchuk A. The Eurasian Economic Union: prospective regional integration in the post-Soviet space or just geopolitical project? *Eastern Journal of European Studies*. Volume 7, Issue 2, December 2016. URL: http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2016_0702_RIV.pdf (дата обращения: 16.12.2019).
6. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian Survey*. Vol.27, №2. 2008. URL: <https://doi.org/10.1080/02634930802355121> (дата обращения: 16.12.2019).
7. Collins K. Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia. *Europe-Asia Studies*. Volume 61, 2009 – Issue 2. P. 249–281. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802630854> (дата обращения: 16.12.2019).

8. Bossuyt F. Central and Eastern European perceptions of the Eurasian Economic Union: Between economic opportunities and fear of renewed Russian hegemony. *STUDIA DIPLOMATICA*. 2017. LXVIII-5. EGMONT – Royal Institute for International Relations. URL: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2017/10/stud.diplom.2017-5_v1.pdf (дата обращения: 16.12.2019).
9. Bruno S. Sergi Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political "Janus Bifrons". *Journal of Eurasian Studies*. №9 (2018) pp. 52–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005> (дата обращения: 16.12.2019).
10. Kirkham K. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. №7 (2016). pp. 111–128. URL: <https://doi.org/10.1016%2Fj.euras.2015.06.002> (дата обращения: 16.12.2019).
11. Van Apeldoorn E.B., Overbeek H.W., Ryner M. (2003). Theories of European integration: a critique. In A.W. Cafruny, & M. Ryner (Eds.), *A ruined fortress? Neoliberal hegemony and transformation in Europe* (pp. 17–45). Lanham, Md: Rowman & Littlefield. URL: <https://research.vu.nl/en/publications/theories-of-european-integration-a-critique> (дата обращения: 16.12.2019).
12. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press. 1984 [312 p.]. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7sq9s> (дата обращения: 10.01.2020).
13. Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства»: философский поединок. М.: Алгоритм, 2019. 240 с.
14. Ratzel F. *Uber den Lebensraum // Die Umschau*. [About the habitat // The survey] 1897. Vol.1. С. 363–366.
15. Balassa B. «The Theory of Economic Integration: An Introduction». *The European Union*. Palgrave, London. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-23984-9_15 (дата обращения: 05.09.2020).

Bagdasaryan Kniaz Mnatsakanovich

Russian academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

SSRN: <https://ssrn.com/author=2627518>

RePEc: <https://authors.repec.org/pro/pba1467/>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=810838

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAH-9531-2019>

Mendeley: <https://www.mendeley.com/profiles/kniaz-bagdasaryan/>

Publons: <https://publons.com/researcher/2951037/kniaz-bagdasaryan/>

ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Kniaz_Bagdasaryan

Google Академия: <https://scholar.google.nl/citations?hl=en&user=52RomxoAAAAJ>

Formation of the Eurasian economic union in the perspective of foreign studies

Abstract. The article reviews publications of foreign researchers devoted to the analysis of the formation of the Eurasian Economic Union (EAEU), its ideological component, as well as prospects for further development. The author presents only some of the most interesting works by researchers from such countries as Belgium, United Kingdom, Spain and Turkey. In spite of the fact that they attempt to cover the views of integration process researchers from the post-Soviet space in order to form some empirical support, their conclusions reflect the aggregate average views of individual Western scientific schools and countries, mainly in the context of geopolitical confrontation. As a result of the analysis, the author has revealed that theoretical approaches of foreign researchers to the assessment of the formation of the EAEU are mainly aimed at criticizing Russia's foreign policy, have a geopolitical character, and their conclusions always point to insignificant economic indicators and prevailing political and ideological motivation. This negative agenda in relation to the EAEU is mainly created by Eastern European countries, which rely on the historical experience of economic dependence on the communist Soviet era, despite the fact that they were directly related to that era and were members of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA).

Based on a review of a large number of foreign publications, the author also found that the problems of the EAEU are not in the focus of foreign researchers of integration processes. Their main preference is to analyze more advanced regional groupings, which have a kind of historical contrast with tangible results and visible effects.

Keywords: Eurasian union ideology; hegemony of Russia; Eurasian integration; geopolitical union; hybrid integration; neo-Gramscianism; the concept of «living space»